

Словари пермских манси «аборигенов Сибири», собранные П. С. Палласом в XVIII веке

Норманская Юлия Викторовна, Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН,
Институт языкознания РАН (Москва); julianor@mail.ru

Как было показано в работах Я. Гуйя, мансийские диалекты в XVIII в. не имели диалектных особенностей, характерных для XIX—XX в. и подробно описанных в работах Л. Хонти. Насколько нам известно, словари П. С. Палласа по пермским мансийским говорам с этой точки зрения ранее подробно не изучались. В настоящей статье показано, какое место занимали говоры пермских манси в существующей классификации диалектов. Анализ материала словарей пермских мансийских говоров, собранных П. С. Палласом, позволил: 1) в двух случаях уточнить реконструкцию ПМанс. фонем, поскольку рефлекс $a < \text{ПМанс. } *ā, \bar{e} < \text{ПМанс. } *j$ занимают ареалы, форма которых указывает на инновационное развитие этих рефлексов; на ПМанс. уровне предположительно следует восстанавливать $*o$ и $*ā$ соответственно; 2) установить, что в двух случаях инновационные развития в пермских говорах схожи с фонетическими переходами в тавдинском южном диалекте: ПМанс. $*o$ ($*ā$ по [Honti 1982]) $> a$, ПМанс. $*u > o$. Однако развитие ПМанс. $*y > o$, зафиксированное в пермских мансийских говорах, представлено в восточных мансийских и в части западных диалектов, но не отмечено в южных и северных диалектах. В других случаях в пермских мансийских диалектах представлено архаичное прамансийское состояние. В случае изменения ПМанс. $*u > o$, имевшего место в южных диалектах, привлечение пермских мансийских данных позволяет датировать время этого перехода.

Проведенный анализ показывает, что существующая классификация мансийских диалектов, описывающая разделение мансийских диалектов примерно 1 тыс. лет назад, должна быть изменена, поскольку в соответствии с ней по одним признакам пермские диалекты относятся к южным, а по другим — к восточным и западным. Мы считаем, что, возможно, следует отказаться от классификационного признака «развитие ПМанс. $*-y$ », поскольку во всех северных мансийских текстах XVIII—XIX вв. отсутствует рефлекс ПМанс. $*-y$; более того, по нашим полевым данным, такое развитие представлено и в современном северном среднеобском диалекте. Таким образом, этот признак не разделяет генетически разные диалектные группы между собой, а имеет ареальную специфику. По остальным инновационным признакам исчезнувшие пермские мансийские диалекты наиболее близки к тавдинскому диалекту, и, видимо, к этой группе его следует относить. Становится ясно, что еще в XVIII в. южные диалекты, ныне исчезнувшие, простирались еще почти на 300 км на запад в Свердловскую область.

Ключевые слова: мансийский, пермские диалекты, П. С. Паллас, архивные материалы

DICTIONARIES OF PERM MANSI “NATIVE SPEAKERS OF SIBERIA”, COLLECTED BY P. S. PALLAS IN THE 18th CENTURY

Julia V. Normanskaja, Ivannikov Institute for System Programming, RAS; Institute of Linguistics, RAS (Moscow); julianor@mail.ru

As shown by J. Gulya, 18th-century Mansi dialects lacked the dialect traits which developed in the 19th—20th centuries and which have been described in detail by L. Honti. To the best of our knowledge, P. S. Pallas's dictionaries of the Perm Mansi dialects have not been previously examined thoroughly from this point of view. This article identifies the place of the Perm Mansi dialects in the existing dialect classification. The analysis of the Perm Mansi dictionaries collected by P. S. Pallas allowed: 1) to refine the reconstruction of two PMans. phonemes: namely, the shape of the areas which preserve the reflexes $a < \text{PMans. } *ā, \bar{e} < \text{PMans. } *j$ indicates their innovative development. Thus, their PMans. forms should be reconstructed as $*o$ and $*ā$ instead; 2) to ascertain that two innovative developments in the Perm dialects are similar to the southern (Tavda) dialect: PMans. $*o$ ($*ā$ according to [Honti 1982]) $> a$, PMans. $*u > o$. However, the development of PMans. $y > o$, which takes place in the Perm Mansi dialects, is preserved only in the eastern and some of the western Mansi dialects, but not in the southern or northern dialects. In other cases, the Perm Mansi dialects preserve the archaic Proto-Mansi state. For instance, the Perm Mansi data make it possible to pinpoint the time of the PMans. change $*u > o$, which took place in the southern dialects.

All in all, the analysis shows that the existing classification of the Mansi dialects describing their division, which took place about 1000 years ago, should be changed as it does not account sufficiently for the Perm dialects. According to this classification, some of the features place the Perm dialects into the southern Mansi group whereas other features identify these dialects as eastern or western. Furthermore, the article proposes that the development of PMans. $*-y$ should no longer be used as a criterion for classification since there is no PMans. reflex $*-y$ in all the northern Mansi texts of the 18th—19th centuries. Moreover, according to the field data, such a development is also present in the modern northern Middle Ob dialect. Thus, this feature does not divide genetically different dialect groups, but has an areal specificity. As for the other innovative features, the extinct Perm Mansi dialects are closest to the Tavdin dialect and should probably be assigned to this group. It becomes patent then that the currently extinct southern dialects extended almost 300 km westward to the Sverdlovsk region even as late as in the 18th century.

Keywords: Mansi, Perm dialects, P. S. Pallas, archive data

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 20-18-00403 «Цифровое описание уральских языков на основе больших данных».

Прикамский север — это значительная часть двух больших районов, Чердынского и Красновишерского, мест уникальных как в географическом, так и в историческом отношении. Огромный регион, который раскинулся от Косы и Юрлы до Верхней Печоры, в XIX в. носил название Чердынского уезда. Именно через эти земли пришло на Урал русское население. Но, как показывают археологические раскопки, уже с IX в. там жили манси. «Складывание группы манси, проживающих на территории Пермского края, исследователи связывают с сылвенской археологической культурой (III—15 вв.). Первоначально манси были расселены на Южном Урале и его западных склонах. Под влиянием колонизации коми и русских переселились в Зауралье» [Голева 2020].

Как отмечается в [Пудовкин, Пудовкина, Долгорукова 2012], еще в XVII—XVIII вв. манси заселяли всю полосу западных предгорий Урала от верховьев реки Печоры на севере до верхнего течения реки Уфы на юге. По Уфе и восточнее Урала по рекам Пышме и Исети манси граничили с башкирами, занимавшими лесную и лесостепную территорию Южного Урала и обоих его предгорий.

Необходимо упомянуть и о мансийских княжествах, распространенных в XII—XVII веках в Пермском крае. Княжество — объединение по 30-50 человек во главе с князем, имеющим привилегированное положение. У князя имелись рабы, много жен, красивое оружие, железные доспехи. Существовали свои районные диалекты по месту расселения, большинство из которых уже утрачено; к ним, например, относятся чердынский, чувовской, кунгурский говоры.

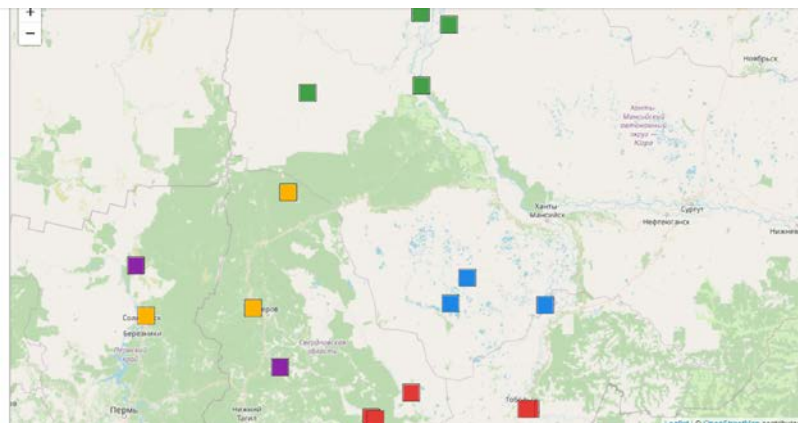
Таким образом, именно в Пермском крае в древности был центр расселения манси, откуда они со времен колонизации русскими начали сдвигаться в Зауралье. По данным в [Попов 1804], мансийское население Пермского края стало резко сокращаться начиная с XVII века. Уже к концу XVIII в. «в Кунгурском уезде обитают они в деревнях Копчиковой и Бабенки, да на реке Сылве в деревне Шигаевой. В сих трех деревнях, причисленных к Чувовской волости Кунгурского уезда, считается 76 ясажных вогул мужского пола». Необходимо подчеркнуть, что во всех упоминаниях о вогулах этих деревень говорится, что они давно обрусели. Так, Н. С. Попов пишет: «...женятся на девках русских крестьян, отчего столько переменялись, что ничего отличного от русских крестьян не имеют, не все уже могут говорить повогульски, но русский язык все употребляют, так же в одежде, строении домов и во всем хозяйстве не видно никакого от русских крестьян отличия» [Попов 1804: 299].

В связи с этим в наиболее известных источниках по мансийскому языку: словарях и текстах, собранных Б. Мункачи в конце XIX в. и А. Каннисто в начале XX в., — нет информации о говорах пермских манси Чердынского уезда, поскольку они перешли уже на русский язык.

Но оказалось, что словари этих диалектов были собраны П. С. Палласом в конце XVIII в. Их оригиналы, более полные, чем изданные в 1792 г. варианты, были найдены нами в архиве А. М. Шёгрена в Санкт-Петербургском филиале архива РАН. В настоящее время словари пермских манси, дополненные параллелями из литературного языка и этимологиями, доступны на платформе ЛингвоДок: верхотурский <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2685/1653/perspective/2685/1654/view>, чердынский <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2685/846/perspective/2685/847/view>, кунгурский <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2685/6/perspective/2685/7/view>.

На карте 1 можно видеть, что пермские мансийские говоры (обозначены желтым цветом), которые не были включены в существующую классификацию, предложенную Б. Мункачи в конце XIX в., находятся западнее и южнее мансийских диалектов, сохранившихся в XIX в.

Ранее мансийские источники XVII—XVIII вв. уже привлекали внимание ученых, см. подробнее [Kannisto 1914; Kalman 1958; Gulya 1958, 1963]. С точки зрения сравнительно-исторического языкознания наиболее информативными являются статьи [Gulya 1958, 1963]. В результате двухлетнего пребывания в СССР Я. Гуя собрал в архивах богатую коллекцию словников, созданных в XVIII в. на диалектах мансийского языка. В результате их анализа он пришел к выводу, что в системе вокализма еще не имелось диалектной раздробленности, и она была значительно ближе к прамансийскому состоянию: лабиализация ПМанс. **ā* еще не закончилась, рефлексом ПМанс. **ā* всегда был монофтонг, переход древнемансийского *й* в *о* в южном диалекте также еще не закончился, остальные гласные не отличались от прамансийского состояния, за исключением *ē*, рефлексация которого была полностью изучена Я. Гуей, см. подробнее [Gulya 1963: 173—174]. С точки зрения консонантизма, по мнению Я. Гуи, мансийские говоры XVIII в. были близки диалектам XX в. Он отмечает следующие инновационные изменения, произошедшие в отдельных группах мансийских диалектов: 1) в значительной части южных говоров произошел переход ПМанс. **p* > *w*, 2) в западных, восточных и южных диалектах имела место лабиализация **k*, 3) в северном диалекте древнемансийское *ǰ* в большинстве случаев сохранялось, переход в *s* начался в конце XIX в., 4) переход древнемансийского *ć* в *ś* произошел в западных, восточных и северных диалектах, см. подробнее [Gulya 1963: 174—175].

Карта 1. Расположение мансийских диалектов в XVIII в.

(зеленый — северные, голубой — восточные, красный — южные, фиолетовый — западные, желтый — пермские)

В статье [Gulya 1958] рассматриваются слова, зафиксированные в XVIII в. в трех областях проживания манси: Нижняя Тагил, Нижняя Тура и по течению р. Чусовая (нынешняя Свердловская область). В говорах манси из этих трех областей Я. Гуя выделяет три основных диалектных признака, отличающие рассматриваемые говоры от большинства диалектов XIX в.:

1 признак: противопоставление *o* vs. *u* в первом слоге (рефлексы ПМанс. **ū*)¹, пример — слово ‘три’ [Steinitz 1955: 115], по этому признаку рефлексация рассматриваемых говоров совпадает с южно-мансийскими;

2 признак: противопоставление *š* vs. *s* (рефлекс ПМанс. **š*), пример — слово ‘сто’ [Steinitz 1955: 97], по этому признаку рефлексация тагильского, турского и чусовского говоров совпадает с южной и западной мансийской.

3 признак: наличие монофтонга vs. дифтонга в качестве рефлекса ПМанс. **ā* на примере слова ‘семь’ [Steinitz 1955: 3], по этому признаку рассматриваемые говоры совпадают с южными и северными мансийскими диалектами, поскольку в остальных диалектах В. Штайниц вслед за А. Каннисто выделяет дифтонги.

Таким образом, рассматриваемые уже исчезнувшие говоры по выделенным признакам полностью совпадают с южными диалектами и имеют единообразные рефлексы, совпадающие с ПМанс. Однако материал в пермских словарях П. С. Палласа имеет как по вышеуказанным, так и по другим, значимым для XIX в. диалектно-дифференцирующим признакам, неединообразную рефлексацию. Это является свидетельством того, что разделение на диалекты среди пермских манси началось еще в XVIII в. Анализ данного материала позволяет установить, в каких говорах появились первые инновации.

Словари П. С. Палласа по пермским мансийским говорам, насколько нам известно, с этой точки зрения подробно не изучались. Представляется интересным оценить, какое место в существующей классификации диалектов занимают говоры пермских манси. Для этого проанализируем диалектный материал, представленный в словарях, с точки зрения диалектно-дифференцирующих признаков по [Honti 1982: 149].

Таблица 1. Основные диалектно-дифференцирующие изоглоссы мансийских диалектов по [Honti 1982: 149]

Южные	Восточные	Западные	Северные
<i>ā</i>	<i>ō</i>	<i>ō</i>	<i>ō</i>
<i>a</i>	<i>ā/ē</i>	<i>ē</i>	<i>ā/e</i> ²
<i>aw</i>	<i>ī</i>	<i>ay/0</i> ³	<i>ay</i>
<i>ć</i>	<i>ś</i>	<i>ś</i>	<i>ś</i>
<i>š</i>	<i>s(š)</i>	<i>š</i>	<i>s(š)</i>
<i>k</i>	<i>x/k</i>	<i>k</i>	<i>x</i>
<i>k</i>	<i>k</i>	<i>k</i>	<i>k</i>

¹ В статье для экономии места приводится ПМанс. реконструкция по монографии [Honti 1982], опубликованной уже после статьи [Gulya 1958], поскольку Я. Гуя описывает прамансийские фонемы, не называя их, с помощью указания на рефлексы в отдельных мансийских диалектах.

² Рефлексация уточнена по обским мансийским полевым данным, см. подробнее [Норманская 2015].

³ Уточнено на материале диалектных примеров из [Honti 1982].

ПМанс. *ā⁴

Южные	Восточные	Западные	Северные
ā	ō	ō	ō

Кунгур. *a/o*, чердын. *o*⁵, верхотур. *o/a*

Кунгур. *Каталь* ‘день’, *Коталь* ‘солнце’, *Котланть* ‘свет’, Чердын. *Коталь* ‘солнце’, Верхотур. *Хоталь* ‘солнце’ < ПМанс. *kātəl ~ *kätəl < ПУ⁶ *koje;

Кунгур. *Канта* ‘война’, Чердын. *Контлахты*, Верхотур. *Хонтлахна* ‘война’ < ПМанс. *kānt;

Кунгур. *Оли* ‘есть’, *Алось* ‘был’, Чердын. *Оли* ‘есть’, *Оланты* ‘жизнь’, Верхотур. *Ялась* ‘был’, *Олой* ‘есть’ < ПМанс. *āl- < ПУ *elä;

Кунгур. *Ванка* ‘яма’, Чердын. *Вонка* ‘яма’, Верхотур. *Вонка* ‘ров’ < ПМанс. *wāṅkā < ПУ *woṅke/a;

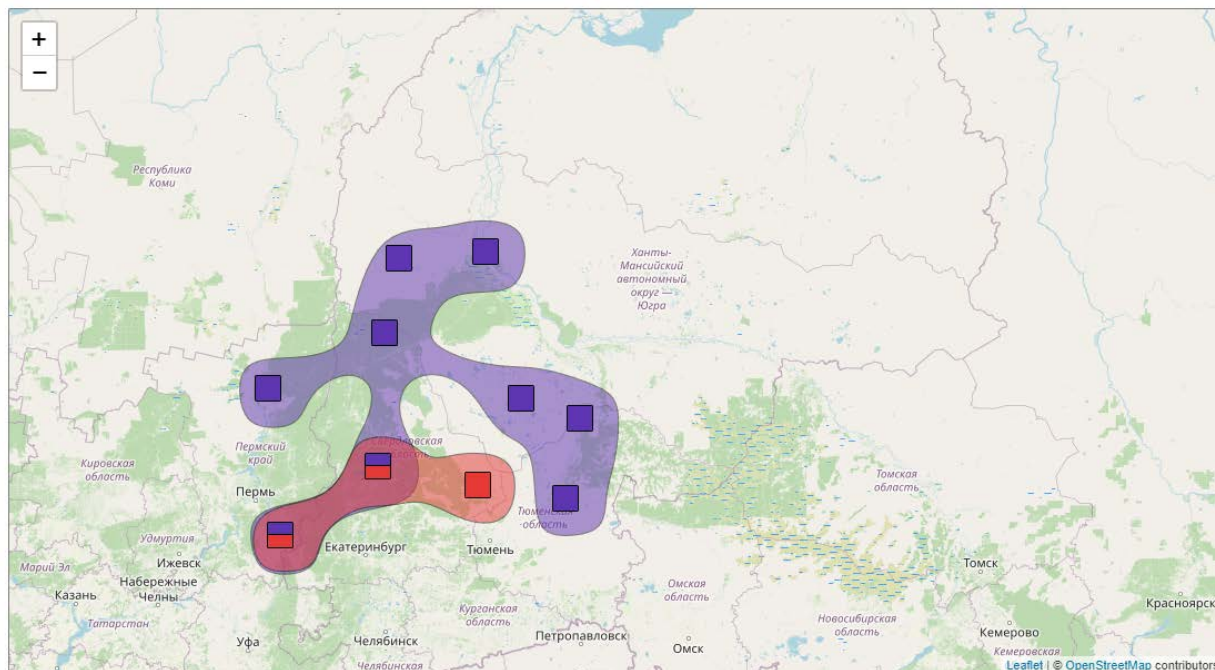
Кунгур. *Ваталинь* ‘вихрь’, *Воати* ‘ветер’, Чердын. *Уадь* ‘ветер’, Верхотур. *Воть* ‘ветер’ < ПМанс. *wātz;

Кунгур. *Варь* ‘лес’ < ПМанс. *wār;

Кунгур. *Таромь* ‘небо, Бог’, Чердын. *Торомь* ‘небо’, Верхотур. *Тармь* ‘Бог’ < ПМанс. *tārəm;

Чердын. *Шошь* ‘лить’, Верхотур. *Шашинь* ‘лить’ < ПМанс. *šāš-;

Кунгур., Чердын., Верхотур. *Коть* ‘б’ < ПМанс. *kāt < ПУ *kutte.

Карта 2. Отражение ПМанс. *ā

(синий цвет — диалекты, в которых ПМанс. *ā > o/ō, красный цвет — диалекты с сохранением ПМанс. *ā)

На карте 2 можно видеть, что сохранение ПМанс. *ā, свойственное тавдинскому диалекту и частично кунгурскому и верхотурскому говорам, было зафиксировано в XVIII в. в достаточно компактном ареале на юге территории расселения манси. Тот факт, что достаточно часто ПМанс. *ā является рефлексом ПУ *o, *u, позволяет предположить, что более корректно реконструировать для этого ряда соответствий ПМанс. *o, см. подробнее [Норманская 2015].

⁴ Здесь и далее ПМанс. реконструкция приводится по [Honti 1982].

⁵ Единственным исключением является чердын. *Уадь* ‘ветер’, где особая рефлексация связана, вероятно, с переходом *w > y и дифтонгоидным характером возникшего сочетания *ya-*.

⁶ Здесь и далее ПУ формы цитируются по [UEW].

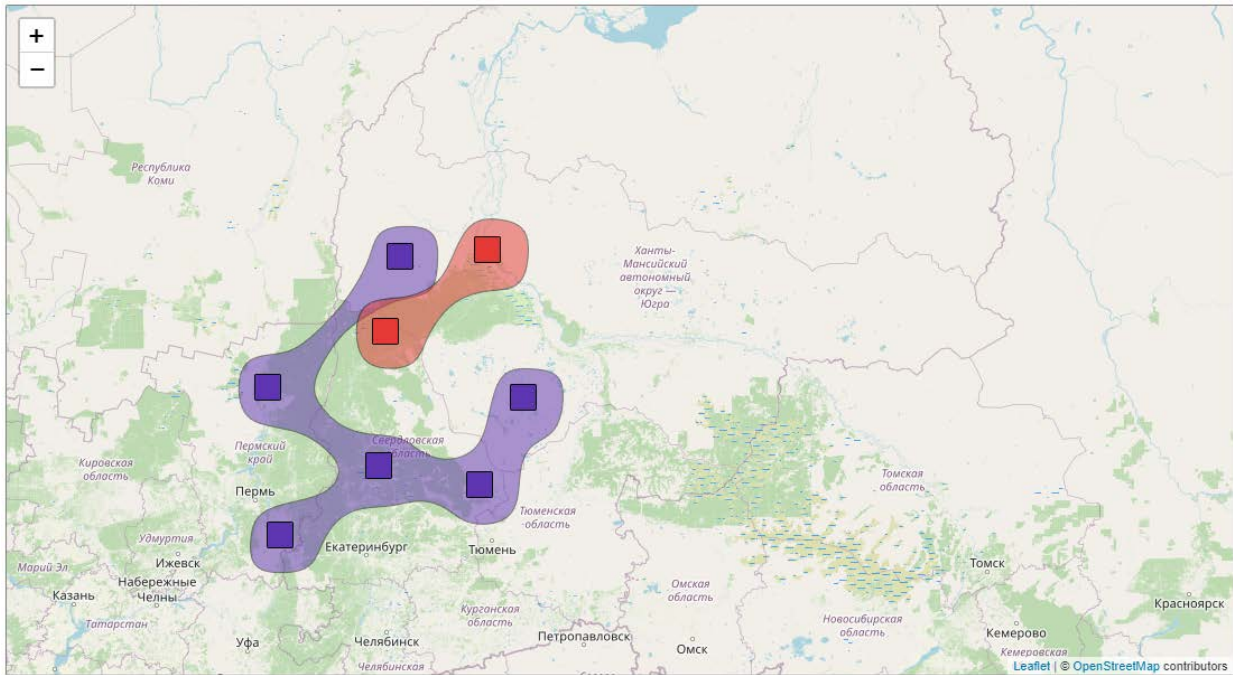
ПМанс. *ĭ

Южные	Восточные	Западные	Северные
<i>a</i>	<i>ā/ē</i>	<i>ē</i>	<i>ā/e</i>

Для ПМанс. *ĭ зафиксирован лишь один надежный пример, в котором в пермских диалектах мансийского представлена рефлексация, совпадающая с южной и, частично, с восточной и северной.

Кунгур., чердын., верхотур. *a*

Кунгур. *Салои* ‘молния’, Чердын. *Салы* ‘молния’, Верхотур. *Сальс* ‘молния’ < ПМанс. *sĭl- < ПУ *śala.

Карта 3. Отражение ПМанс. *ĭ

(синий цвет — диалекты, в которых ПМанс. *ĭ > *a*, красный цвет — диалекты, в которых ПМанс. *ĭ > *e/ē*)

Итак, можно видеть, что переход ПМанс. *ĭ > *e/ē* представлен только в компактном ареале на северо-востоке территории расселения манси, а переход ПМанс. *ĭ > *a* занимает практически всю мансийскую территорию. Можно предположить, что ПМанс. *ĭ следует реконструировать как *ā, поэтому нельзя исключать, что в пермских мансийских диалектах сохранилась архаическая рефлексация.

ПМанс. *-y

Южные	Восточные	Западные	Северные
-aw	-ī	-ay/-o	-ay

Кунгур., чердын., верхотур. -o

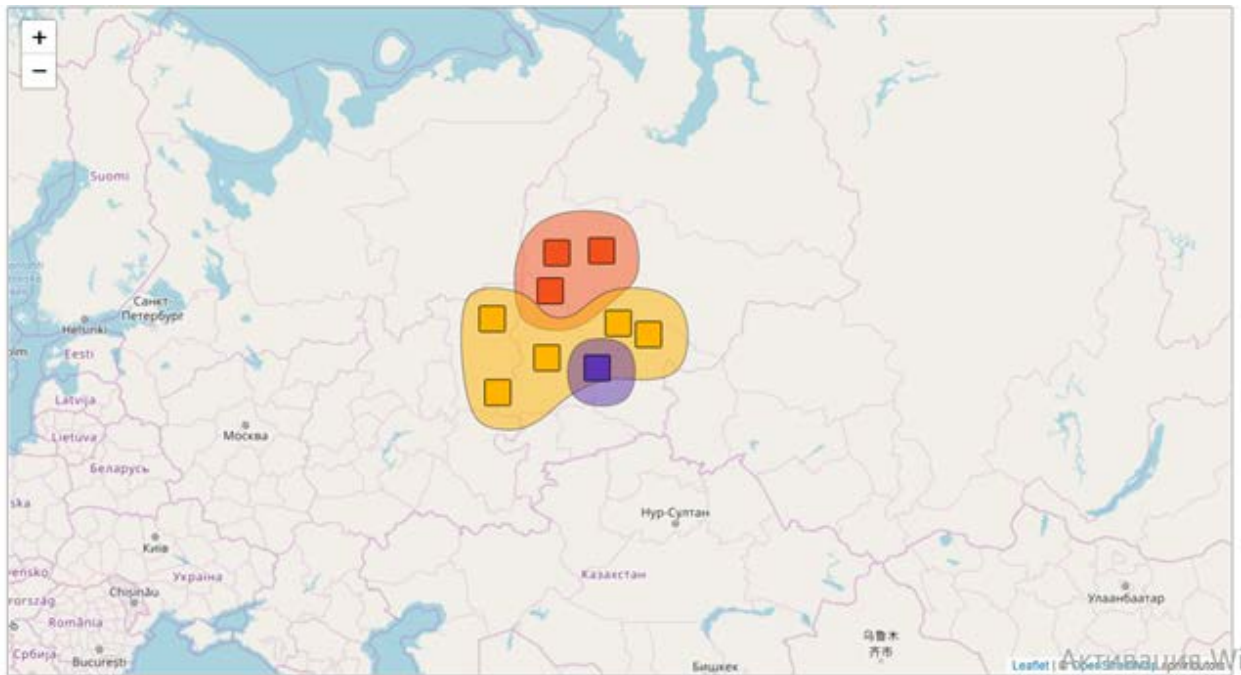
В позиции ауслата:

Кунгур. *Инна* 'велико', Чердын. *Яныбаикъ* 'власть' < ПМанс. *jānəy (~ -ä);

Чердын. *Иръ* 'петь' < ПМанс. *īrəy (~ -ä);

Чердын. *Ва* 'сила', Верхотур. *Ва* < ПМанс. *wāy;

Верхотур. *То* 'сук' < ПМанс. *tay (~ -a).

Карта 4. Отражение ПМанс. *y в позиции ауслата
(синий цвет — диалекты, в которых ПМанс. *y > w, красный цвет — диалекты, в которых
ПМанс. *y сохранилось без изменений, желтый цвет — диалекты, в которых ПМанс. *y > o)

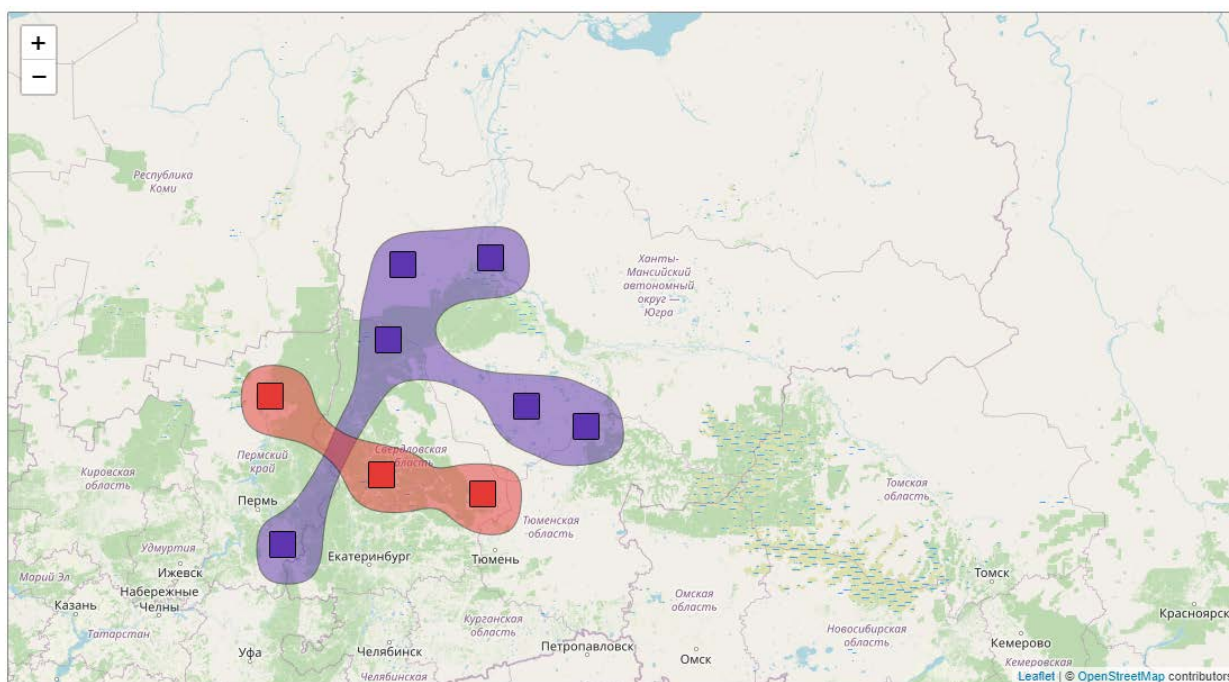
По карте можно видеть, что каждое из изменений занимает компактный ареал. Наиболее древняя рефлексия (сохранение ПМанс. *y < ПУ *k) представлена на севере территории расселения манси. Развитие ПМанс. *y > o, свойственное диалектам пермских манси, произошло на территории проживания западных и восточных манси и является инновационным.

ПМанс. *ś

Южные	Восточные	Западные	Северные
ś	ś	ś	ś

Кунгур. с, чердын. ч/ш, верхотур. ч

Кунгур. *Тонсинь* ‘стой’, Чердын. *Тунчанть*, Верхотур. *Тончань* < ПМанс. *tūñś-, *tūśt-;
Кунгур. *Конся* < ПМанс. *kūñś ‘звезда’ < ПУ *kuñśV ~ *kuśV.

Карта 5. Отражение ПМанс. *ś

(синий цвет — диалекты с переходом ПМанс. *ś > ś, красный цвет — диалекты с сохранением ПМанс. *ś)

Можно видеть, что переход ПМанс. *ś > ś занимает ареал некомпактной формы, типичный для архаических особенностей, в то время как сохранение ПМанс. *ś представлено в компактном ареале проживания носителей тавдинского южного диалекта, верхотурского и чердынского говоров западного диалекта. Но привлечение данных ПУ реконструкции показывает, что именно сохранение *ś является архаизмом, а инновационное развитие представлено практически по всей территории расселения манси.

ПМанс. *k|_Vзад.

Южные	Восточные	Западные	Северные
k	x/k	k	x

Кунгур. к, чердын. к, верхотур. к(в)

Кунгур. *Конся* ‘звезда’ < ПМанс. *kūñśа < ПУ *kuñśV ~ *kuśV;

Кунгур. *Колымь* ‘слух’, Верхотур. *Квална* < ПМанс. *kʷāl-;

Кунгур. *Коль* ‘рыба’, Чердын. *Куль* ‘рыба’, Верхотур. *Кволь* < ПМанс. *kūl;

Кунгур., Чердын., Верхотур. *Коть* ‘б’ < ПМанс. *kāt;

Кунгур. *Каталь*, Чердын., Верхотур. *Коталь* ‘солнце, день’ < ПМанс. *kātəl (~ -а);

Кунгур. *Коромь*, Чердын. *Урумь*⁷, Верхотур. *Кормь* ‘з’ < *kūrəm.

В этой ситуации очевидно, что сохранение ПМанс. *k в анлаутной позиции перед задними гласными — архаическая черта, которая представлена в пермских мансийских говорах.

⁷ Выпадение анлаутного согласного не вполне ясно.

ПМанс. *š

Южные	Восточные	Западные	Северные
š	s/(KU š)	š	s

Кунгур., чердын., верхотур. ш

Чердын. *Ушь* ‘град’ — сосьв. *уc* < ПМанс. **šša*;

Чердын., Кунгур., Верхотур. *Шишь* ‘спина’ < ПМанс. **šiš* (~ -ä);

Чердын., Кунгур., Верхотур. *Шимь* ‘сердце’ < ПМанс. **šim* (~ -ä);

Чердын. *Шошь* ‘лить’, Верхотур. *Шашинь* ‘лить’ < ПМанс. **šāš-*;

Чердын. *Шамкасылъ* ‘брови’, *Шамь* ‘око’, Кунгур. *Шамбань* ‘ресницы’, *Шамбонь* ‘зрение’, *Шамь* ‘око’, Верхотур. *Шампуль* ‘ресницы’, *Шемь* ‘око’ < ПМанс. **šäm* (~ -ä);

Чердын. *Кошкиль* ‘ногти’, Кунгур. *Кошкеръ* ‘ногти’, Верхотур. *Квашкеръ* ‘ногти’ < ПМанс. **künš* (~ -ä);

Кунгур. *Шаниш* ‘колено’, Верхотур. *Шанишь* ‘колено’ < ПМанс. **šānš* (~ -ä);

Чердын. *Шарыны* ‘топор’, Верхотур. *Шарнь* ‘топор’ < ПМанс. **šāyər-*.

Как видно из примеров, сохранение ПМанс. *š является архаизмом, свойственным и пермским мансийским говорам.

Дополнительные диагностические черты**ПМанс. *и**

Южные	Восточные	Западные	Северные
о	и	и	и

Кунгур., чердын., верхотур. о/у

Кунгур. *Конся* ‘звезда’ < ПМанс. **kūńca* < ПУ **kūńcV* ~ **kućV*;

Кунгур. *Коромъ* ‘3’ — Чердын. *Урумъ* ‘3’, Верхотур. *Кормъ* < ПМанс. **kūrəm* < ПУ **kolme* (**kulme*);

Кунгур. *Коль* ‘рыба’, Верхотур. *Кволь* — Чердын. *Куль* ‘рыба’ < ПМанс. **kūl* < ПУ **kala*;

Кунгур. *Ои* ‘птица’, Чердын. *ои*, Верхотур. *Ой* ‘птица’ < ПМанс. **wīj* < ПУ **wajV*;

Кунгур. *Лонта* ‘гусь’ < ПМанс. **lūntz* < ПУ **lunta*;

Кунгур. *Ломемъ* ‘кость’ — Чердын. *Лушынъ*, Верхотур. *Лушашъ* ‘кость’ < ПМанс. **lūw* < ПУ **luwe*;

Кунгур. *Ло* ‘конь’ — Чердын., Верхотур. *Лу* ‘конь’ < ПМанс. **lūw* < ПУ **luwV* (**luwV*);

Кунгур. *Туе* ‘лета’, Чердын. *Тукторнь* < ПМанс. **tīj* < ПУ **suŋe*;

Кунгур. *Бумъ* ‘трава’ — Чердын., Верхотур. *Помъ* < ПМанс. **puma*.

Как видно, переход ПМанс. *и > о является инновационной чертой, представленной в тавдинских диалектах в записях XIX в. А в пермских мансийских записях XVIII в. зафиксировано начало этого изменения, когда переход затронул лишь часть слов. Таким образом, эти данные позволяют нам установить датировку этого перехода и выявить общую инновационную черту, характерную для западных пермских и южного тавдинского диалекта.

ПМанс. *е (*i по [Honti 1982])

Южные	Восточные	Западные	Северные
е	е	е	е

Кунгур. е/(и), чердын. и/(е), верхотур. и/е

Чердын. *Ирь* ‘петь’ — Кунгур. *Ервряхъ* ‘петь’ < ПМанс. **īrəy* (~ -ä);

Чердын. *Иткауль* ‘пояс’, Кунгур. *Интонь* ‘пояс’, Верхотур. *Интепквалы* < ПМанс. **īnt-*, **īntāp*;

Чердын. *Ильмъ* ‘язык’, Верхотур. *Нилмъ* — Кунгур. *Нельма* < ПМанс. **ńilmā* < ПУ **ńālmā*;

Верхотур. *Теньтъ* ‘есть’, Кунгур. *Техъ* ‘есть’ < ПМанс. **tī-*, **tīy-*, **tāj-*; **tīyt-/tīkt-* [Honti 1982];

Чердын. *Екумъ* ‘жена’ < ПМанс. **īkʷā*.

Интересно, что в этих примерах в пермских мансийских диалектах еще частично сохраняется ПМанс. архаическая рефлексация *i, утраченная во всех мансийских диалектах XIX в.

Выводы

Итак, можно видеть, что анализ материала словарей пермских мансийских говоров, собранных П. С. Палласом, позволил:

1) в двух случаях уточнить реконструкцию ПМанс. фонем, поскольку рефлексы $a <$ ПМанс. $*\bar{a}$, $\bar{e} <$ ПМанс. $*\bar{i}$ занимают ареалы, форма которых указывает на инновационное развитие этих рефлексов. А на ПМанс. уровне предположительно следует восстанавливать $*o$ и $*\bar{a}$ соответственно;

2) установить, что в двух случаях инновационные развития в пермских говорах схожи с фонетическими переходами в тавдинском южном диалекте: ПМанс. $*o$ ($*\bar{a}$ по [Honti 1982]) $> a$, ПМанс. $*u > o$. Однако развитие ПМанс. $*y > o$, зафиксированное в пермских мансийских говорах, представлено в восточных мансийских и в части западных диалектов, но не отмечено в южных и северных диалектах. Переход ПМанс. $*\acute{c} > \acute{s}$, характерный для всех диалектов за исключением южных, произошел только в кунгурском говоре, в верхотурском и чердынском говорах зафиксирована архаическая рефлексация.

В других случаях в пермских мансийских диалектах представлено архаичное прамансийское состояние. В случае изменения ПМанс. $*u > o$, имевшего место в южных диалектах, привлечение пермских мансийских данных позволяет датировать время этого перехода.

Итак, проведенный анализ показывает, что существующая классификация мансийских диалектов, в соответствии с которой в таблице 1 даны признаки, описывающие разделение мансийских диалектов примерно 1 тыс. лет назад, должна быть изменена, поскольку по ней по некоторым признакам пермские диалекты относятся к южным, а по другим — к восточным и западным.

Мы считаем, что, возможно, следует отказаться от классификационного признака «развитие ПМанс. $*-y$ », поскольку, как было показано в [Кошелюк, Норманская 2020], и в других неизданных материалах Палласа, наиболее близких к северным говорам, отсутствует ПМанс. $*-y$; более того, по нашим полевым данным, такое развитие представлено и в современном северном среднеобском диалекте. Таким образом, этот признак не разделяет генетически разные диалектные группы между собой, а имеет ареальную специфику.

По остальным инновационным признакам исчезнувшие пермские мансийские диалекты наиболее близки к тавдинскому диалекту, и, видимо, к этой группе его следует относить. Становится ясно, что еще в XVIII в. южные диалекты, ныне исчезнувшие, простирались еще почти на 300 км на запад в Свердловскую область.

Сокращения

KU — нижнекондинский диалект мансийского языка
 Верхотур. — верхотурский говор пермских манси
 Кунгур. — кунгурский говор пермских манси
 ПМанс. — прамансийский язык
 ПУ — прауральский язык
 сосьв. — сосьвинский диалект мансийского языка
 Чердын. — чердынский говор пермских манси

Литература

Голева 2020 — Голева Т. Г. Манси (вогулы) // Пермский край. Энциклопедия. <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803968010> (дата обращения 01.05.2020). {Goleva T. G. Mansi (Woguls) // Perm Region. Encyclopedia. <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803968010> (accessed 01.05.2020).}

Кошелюк, Норманская 2020 — Кошелюк Н. А., Норманская Ю. В. Неопубликованный мансийский словарь П. С. Палласа — ранее неизвестный мансийский диалект? // Урало-алтайские исследования. 2020, 1 (36). С. 92—101. {Kosheljuk N. A., Normanskaja Ju. V. The unpublished Mansi dictionary of P. S. Pallas — an earlier unknown Mansi dialect? // Ural-Altai studies. 2020, 1 (36). P. 92—101.}

Норманская 2015 — Норманская Ю. В. Новые полевые и архивные данные по мансийским диалектам и их значению для прамансийской реконструкции системы вокализма первого слога // Урало-алтайские исследования. 2015, 4 (19). С. 40—59. {Normanskaja Ju. V. New field and archive data on the Mansi dialects and their meaning for the Proto-Mansi reconstruction of the first syllable vowel system // Ural-Altai studies. 2015, 4 (19). P. 40—59.}

Попов 1804 — Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии, сообразно начертанию Санкт-Петербургского Вольного Экономического Общества, сочиненное в 1802 и 1803 годах в г. Перми. Ч. 1, 2. Пермь, 1804.

{*Popov N. S.* Economic description of the Perm province, according to the of the St. Petersburg Free Economic Society, composed in 1802 and 1803 in Perm. Part 1, 2. Perm, 1804.}

Пудовкин, Пудовкина, Долгорукова 2012 — *Пудовкин С. И., Пудовкина А. С., Долгорукова Е.Ю.* Вогульские древности // Тезисы Всероссийской научно-практической конференции «X Зыряновские чтения». Курган, 2012. С. 205—207. {*Pudovkin S. I., Pudovkina A. S., Dolgorukova E. Yu.* Vogul antiquities // Abstracts of the Russian scientific and practical conference “X Zyryanov Readings”. Kurgan, 2012. P. 205—207.}

Gulya 1958 — *Gulya J.* Egy 1736-ból származó manysi nyelvemlék (Előzetes közlés) // *Nyelvtudományi Közlemények.* 1958, 60. O. 41—45.

Gulya 1963 — *Gulya J.* Древнемансийские диалекты // *Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum Budapestini habitus* 20—24. IX. 1960. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1963. O. 172—175.

Honti 1982 — *Honti L.* Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest, 1982.

Kalman 1958 — *Kálmán B.* Pallas manysi adatainak hangtörténeti használhatósága // *Nyelvtudományi Közlemények.* 1958, 60. O. 69—72.

Kannisto 1914 — *Kannisto A.* Der Wogulenfürst Asyka in Chroniken und Volkstradition. Finnisch-Ugrische Forschungen. 1914, 14. S. 18—30.

Steinitz 1955 — *Steinitz W.* Geschichte des wogulischen Vokalismus. Berlin, 1955.

UEW — *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986—1989.